Е89—
797

№49249
XV—№211.

СУДЪ НАДЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ

ВЕНІАМИНЪ
СТРОЕВЪ.

рис. М. Степанова

8989/н
Проппер, В.Н.
Е 89 — 797
I 3/10
ИСКЛЮЧЕНА
ИСКЛЮЧЕНА

Веніаминъ Строевъ.

I.

Судъ надъ Вильгельмомъ.

II.

Должна-ли литься кровь.

МОСКВА.
Типографія Акц. О-ва «Московское Издательство», Б. Дмитровка, 26.
1915.

Разрѣшено военною цензурою Генер. Гойдзятскій.
11-го октября 1914 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
550907

Судъ надъ Вильгельмомъ.

Стояла прекрасная, благоухающая, дарующая всему жизнь и счастье весна, когда истощенная безпрерывными битвами и желѣзною блокадою всѣхъ своихъ береговъ и границъ, истерзанная и голодная умирала могучая прежде Германія.

Ея, казалось, прежде непобѣдимыя войска были разбиты, неприступныя крѣпости разрушены, города—опустошены, просторныя поля стояли незасѣянными. Всюду разоръ и опустошеніе.

Лишь въ столицѣ Германіи, въ Берлинѣ, замѣчалось большое оживленіе. Этотъ день въ Германіи былъ большимъ днемъ. Народъ нѣмецкій судилъ тяжкаго преступника, своего бывшаго кайзера Вильгельма.

Не было преступленія въ сводѣ законовъ Германской Имперіи, въ которомъ не обвинялся бы злополучный король.

Былъ избранъ всѣмъ нѣмецкимъ народомъ особый, спеціальный Верховный Судъ.

Побѣдоносныя союзныя войска Россіи, Франціи и Англіи, вторгшіяся въ предѣлы Германской Имперіи быстро разбили нѣмецкую армію и принудили ее къ капитуляціи.

Вильгельмъ и весь его штабъ бѣжали въ глубь страны.

Мудрые руководители союзныхъ армій великодушно провозгласили: «пусть самъ нѣмецкій народъ судитъ своего безумнаго Кайзера».

Мощь нѣмецкой арміи стерта съ лица земли, броненосцы затоплены,—цѣль достигнута. Нѣтъ Германіи, какъ боевой единицы, разбитъ бронированный кулакъ, нѣтъ опасенія для мирнаго, культурнаго развитія человѣчества. Каждая страна можетъ вздохнуть свободно, полною грудью. Народныя деньги пойдутъ не на содержаніе несмѣтныхъ войскъ и не на постройку дредноутовъ, а на строительство народныхъ школъ, на просвѣщеніе и поднятіе благосостоянія страны.

Что же касается внутренней жизни германской страны, никому до этого нѣтъ дѣла, пусть сами нѣмцы и устраиваютъ ее, какъ хотятъ.

Лишь французы взяли себѣ обратно отнятые раньше у нихъ нѣмцами Эльзасъ и Лотарингію. Къ сербамъ вернулась аннексированная австрійцами страна Боснія и Герцоговина. Да къ Россіи присоединилась объединенная Польша.

На германскій народъ была также возложена контрибуція въ нѣсколько милліардовъ за понесенные противниками убытки и за разореніе Бельгіи.

И вотъ пришелъ часъ возмездія. Отрезвленный своимъ пораженіемъ народъ судилъ своего Кайзера.

Не мудро ли придумали союзники, предавъ преступника на расправу и гнѣвъ народнаго Суда?

Оживленно въ тотъ день было въ Берлинѣ.

Въ зданіе Суда нельзя было проникнуть... Съѣхались корреспонденты всего міра.

Любопытно было знать, какъ народъ нѣмецкій будетъ судить своего бывшаго Кайзера. Предсѣдателемъ Суда избранъ высокій, худощавый, почтенный и уважаемый въ странѣ старецъ.

— Бывшій Кайзеръ Вильгельмъ встаньте,—раздался сухой, металлическій голосъ судьи среди водворившейся вдругъ тишины.—Ваше простонародное имя Михель?

— Да, такъ меня зоветъ мой вѣрный народъ въ моемъ государствѣ.

— У васъ нѣтъ никакого государства,—перебилъ его судья,—держите хотя на Верховномъ Судѣ себя приличнѣе... Передъ вами великодушіе народное, а царствомъ вашимъ можетъ служить одна лишь тюрьма... Вы обвиняетесь, Вильгельмъ, въ томъ, что предумышленно привели великую Германскую Имперію къ позору и краху. Вы разорили, ограбили страну, бросивъ ее въ авантюру и начавъ войну.

— Милліонъ клятвъ и проклятій, что эта наглая ложь—воскликнулъ горячо Вильгельмъ,—не я хотѣлъ войны, а вѣроломные сосѣди—Россія и Франція.. Но разъ взявшись за мечъ, я не могъ съ позоромъ вложить его въ ножны...Но увѣряю мои намѣренія были самыми чистыми. Я велъ свою страну.. . .

— Опять свою?

— Простите...Я велъ нашу страну къ побѣдамъ и завоеваніямъ. Моя доблестная армія должна была прежде всего вторгнуться въ предѣлы Франціи, разбить французскія войска, занять Парижъ; затѣмъ перебросившись на востокъ, уничтожить русскія полчища, взять Петроградъ и оттуда диктовать условія противнику.

— Не хотѣли ли вы захватить заодно уже и Лондонъ?—иронически спросилъ Судья.

— Клянусь,—воскликнулъ Вильгельмъ,—на этотъ разъ я не имѣлъ намѣренія воевать съ Англіей. Я таилъ въ сердцѣ своемъ любовь къ ней. Она сама ввязалась въ распрю.

— А разоренная вами Бельгія, тоже сама ввязалась въ распрю?—ядовито задалъ вопросъ представитель обвиненія, народный прокуроръ.

— Клянусь, что я хотѣлъ лишь провести войска свои черезъ Бельгію, чтобы скорѣе разбить французовъ... Клянусь....

— Довольно клятвъ,—рѣзко остановилъ судья Вильгельма—попросите свидѣтеля, доблестнаго короля Альберта бельгійскаго.

Въ залъ при общемъ волненіи вошелъ блѣдный Альбертъ съ перевязанной рукой. Невольно всѣ присутствующіе встали.

— Хвала и честь тебѣ воитель,—послышалось изъ публики.

Но предсѣдательскій звонокъ остановилъ порывъ восторга и удивленія.

— Скажите намъ, король Альбертъ, что побудило взяться васъ за оружіе?—спросилъ судья.

— Наглость Вильгельма,—сказалъ Альбертъ и глаза его засверкали гнѣвомъ, а на блѣдныхъ щекахъ ясно обозначился легкій румянецъ.

Вильгельмъ сидѣлъ потупивъ очи.

— Слово для него,—продолжалъ Альбертъ,—пустой лишь звукъ. Не будучи въ силахъ безъ хитрости сломить доблестную армію союзницы нашей Франціи, Вильгельмъ всею мощью обрушился на мою маленькую страну и разорилъ ее, разрушивъ города и сжегши села и деревни мирныхъ жителей. Тысячу проклятій на его голову.

— О боги,—воскликнулъ патетически Вильгельмъ, обращаясь къ Альберту—не я ли умолялъ тебя лишь пропустить мои войска?

— Но я отвѣтилъ вѣдь отказомъ?

— Тогда ты виноватъ передо мною и всѣмъ моимъ...

— Опять?—предостерегъ судья...

— И всѣмъ народомъ нѣмецкимъ—закончилъ Вильгельмъ.

— Легко свалить вину съ больной головы на здоровую—возразилъ Альбертъ.—Но разрѣшите мнѣ, судья, прервать бесѣду съ дерзкимъ хамомъ.

— Въ томъ ваше право,—пояснилъ судья.—Отнынѣ Вильгельмъ обращайтесь лишь ко мнѣ. Итакъ послѣднее скажите слово намъ, свидѣтель, въ чемъ главную вы видите вину Вильгельма по отношенію къ себѣ и своему народу?...

— Для меня не были тайной замыслы Вильгельма. Онъ Бельгію давно хотѣлъ присоединить къ своимъ провинціямъ, чтобъ встать лицомъ къ лицу со своей смертельной противницей великой Англіей..Но объ этомъ лучше распросите короля Георга англійскаго. Я же могу сказать, что мой народъ исполнилъ послѣдній свой долгъ передъ культурнымъ человѣчествомъ, задержавъ варварскія орды Вильгельма и тѣмъ спасши страны, весь міръ,отъ тирана и насильника..

— Мы соболѣзнуемъ вамъ, Альбертъ,—сказалъ упавшимъ голосомъ судья.—Но не забывайте, что вы находитесь среди нѣмецкаго народа. Ошибки, конечно, бываютъ въ мірѣ, но унижены не вы, а нѣмецкая нація.. Вы свободны, король...Попросите короля Георга...

— Король Георгъ не могъ на Судъ явиться,—провозгласилъ Судебный Приставъ,—но за себя прислалъ онъ лорда Китченера.

— Добро,—сказалъ судья—попросите лорда.

Увѣренно и смѣло стоялъ передъ Судомъ свидѣтель..

— Скажите лордъ—спросилъ судья,—что привело къ войнѣ васъ съ нами?

— Лишь страхъ за будущность всего человѣчества, а также за свою страну.

— Ложь,—перебилъ его Вильгельмъ,—англичанамъ противенъ былъ мой сильный флотъ, а также то, что всемірный рынокъ былъ заваленъ нѣмецкими товарами, а не англійскими.

— Опасенъ тотъ,—спокойно возразилъ свидѣтель лордъ—кто оружіемъ и кровью хочетъ уничтожить свою подпись...Мы сговорились Бельгію считать нейтральной и неприкосновенной...Вильгельмъ нарушилъ свой обѣтъ. Затѣмъ для насъ не было тайной тотъ фактъ, что въ случаѣ побѣды надъ нашими великими союзниками, французами и русскими, Вильгельмъ предастъ мечу и огню и славную англійскую страну. Мы рѣшили до послѣдней капли крови отстаивать независимость культурныхъ странъ.

— Ложь, сплошная ложь,—воскликнулъ истерически Вильгельмъ—ни одной минуты не думалъ я лишать великой Англіи независимости..

— Да и было-бы затруднительно того добиться—улыбнулся лордъ,—могучій флотъ вашъ прикованъ былъ къ берегамъ нѣмецкимъ, какъ Прометей къ скалѣ...искалъ онъ больше мели, чѣмъ просторъ морей....

— Но лордъ, лежачаго не бьютъ,—скорбно замѣтилъ судья—не чувствуете ли вы, что наше сердце кровью обливается при одномъ лишь воспоминаніи о минувшемъ..

— Для подлой націи, нѣтъ сердца—патетически сказалъ Вильгельмъ.—Я ордена англійскіе и знаки ихъ отличія съ груди въ пылающій огонь бросалъ...

— И тѣмъ лишь оказали честь родинѣ моей,—возразилъ спокойно лордъ Китченеръ.—Неужели же и до сихъ поръ вы мните, что ваша грудь является ареной величія и почестей? Второй разъ нашъ король не ошибется и будетъ раздавать награды осторожнѣй, лишь достойнымъ людямъ..

— Гадъ!—разсвирѣпѣлъ Вильгельмъ,—попробовалъ бы ты сказать мнѣ это, когда я въ силѣ былъ...

— Бывшій Кайзеръ,—строго остановилъ его судья,—дѣло здѣсь не въ силѣ и безсильѣ, а только въ правдѣ... Остановите свой порывъ и гнѣвъ и если до ушей моихъ дойдетъ одинъ лишь подобный возгласъ изъ вашихъ устъ, то уста эти будутъ сомкнуты, какъ лай собачій смыкается намордникомъ..

— О, позоръ!—вырывая волосы изъ головы кричалъ Вильгельмъ —и это слышу я изъ устъ нѣмецкихъ...

— Не возражайте мнѣ, Вильгельмъ, иначе хуже будетъ..

— Я подчиняюсь силѣ и насилію...

— Также, какъ хотѣли вы, мой бѣдный Кайзеръ, подчинить весь міръ себѣ, олицетворенію насилія,—сказалъ лордъ Китченеръ.

— Не будемъ спорить господа,—остановилъ судья,—здѣсь Судъ, а не арена диспутовъ. Мы выслушали васъ, лордъ, и благодаримъ покорно..Судебный Приставъ, попросите Президента французскаго...явился онъ?

— Лишь только сейчасъ къ вратамъ Суда подъѣхалъ его автомобиль,—сказалъ служитель.—Позволите позвать?..

— Ну разумѣется, мы ждемъ...

На всѣхъ мѣстахъ движеніе и шопотъ: «Пуанкарэ...Раймондъ Пуанкарэ...тише».

Увѣренной походкой, съ лицомъ открытымъ, яснымъ вошелъ Пуанкарэ. Почтительнымъ поклономъ обмѣнялся съ королемъ Альбертомъ и лордомъ Китченеромъ.

— Въ васъ надобность большая, Президентъ,—обратился къ нему судья.—Скажите, кто виновникъ кровопролитія, кто вызвалъ Европейскую войну?

— Нашли спросить кого,—пробормоталъ Вильгельмъ,—равно, какъ если бы спросить грызущихся собакъ, кому принадлежала кость...

— Подсудимый, не васъ я спрашиваю....Такъ какъ же Президентъ?

— Въ своемъ отвѣтѣ я хочу быть справедливымъ,—произнесъ свидѣтель..—Мечъ обнажилъ Вильгельмъ, конечно, но...вражда уже давно была между французами и

вами. Слезами и кровью истекали мы за наши двѣ провинціи, Эльзасъ и Лотарингію, и мы всегда мечтали вернуть обратно ихъ...

Движеніе и шопотъ пробѣжали по многолюдному собранію.

— Ага, я говорилъ—торжествовалъ Вильгельмъ,—вотъ истинный виновникъ кровопролитія.

— Позволено мнѣ будетъ продолжать?—кротко спросилъ французскій Президентъ у предсѣдателя.

— Зачѣмъ? имъ все ужъ сказано,—кричалъ Вильгельмъ.—Извѣстно, что адвокаты умѣютъ говорить и затемнять лишь правду... Пуанкарэ вѣдь адвокатъ.

— Угомонитесь же, Вильгельмъ...Прошу Васъ Президентъ..

— Итакъ,—спокойно продолжалъ Пуанкарэ,—мечтою нашей было отнять свои провинціи у васъ...Но...не хотѣли мы кровопролитія и разжигать пожаръ всемірный. Вина Вильгельма не въ томъ, что обнажилъ онъ мечъ, а въ томъ, что онъ держалъ весь міръ въ опасности и въ ожиданіяхъ всеобщей катастрофы. Вильгельмъ лишь поджигатель... Весь свѣтъ хотѣлъ онъ превратить въ военный лагерь и царствовать одинъ. Но путь тщеславія тернистъ,—дѣлаетъ жестъ въ сторону Вильгельма—и вотъ его плоды... холодная скамья для подсудимыхъ...

При общемъ движеніи Вильгельмъ вскакиваетъ со своего мѣста.

— Онъ мнѣ на нервы дѣйствуетъ...уведите его или я...

— Вильгельмъ,—строго перебилъ его судья—послѣдній разъ я обращаюсь къ вамъ... Вы спокойно проливали родную кровь и родину свою привели къ позорному столбу... Имѣйте же настолько мужества выслушивать все до конца.. Итакъ прошу васъ продолжать спокойно, Президентъ.

— Нѣмецкій бывшій Кайзеръ,—продолжалъ Пуанкарэ,—виновенъ больше всего въ томъ, что не внимая увѣщеваніямъ своихъ сосѣдей разоружиться и тѣмъ спасти народъ свой и весь міръ отъ непомѣрныхъ и разорительныхъ затратъ на войско и на флотъ продолжалъ вооружаться и даже неоднократно пробовалъ издѣваться надъ величіемъ сосѣднихъ государствъ...Такъ напримѣръ, когда великая держава, Россія, вступилась за младшую свою сестру Сербію, и заявила, что не позволитъ Австріи поработить ее, тогда Вильгельмъ воскликнулъ: «ага, Россія, вотъ я заткну ей глотку» и... и заткнулъ...заткнулъ ей такъ, что самъ едва лишь живъ остался...Но безусловно имѣется и заслуга Вильгельма въ томъ, что своимъ выпадомъ онъ міръ освободилъ отъ самого себя... Теперь на свѣтѣ дышется свободно...Весна стоитъ въ разгарѣ...цвѣтутъ поля...разоружился міръ и всѣ

богатства народныя идутъ лишь на культурныя потребности. Пройдутъ года и не узнаете вы свѣтъ. Земля, вода и воздухъ уже не будутъ служить ареною воинствующихъ кликовъ,но ими пользоваться будетъ человѣкъ для полной жизни и для счастья. На вашихъ Цеппелинахъ вы полетите въ Лондонъ и Парижъ не для того, чтобы разрушить храмы науки и искусства, но съ тѣмъ, чтобы просвѣтить свой умъ и заглянуть въ источникъ знанія и свѣта. О, Вильгельмъ, какое зло хотѣлъ ты нанести культурѣ человѣческой... Ты врагъ отечества, земли, культуры... Ты—анархистъ..

Сказавши такъ Президентъ сѣлъ рядомъ съ королемъ Альбертомъ.

Гулъ одобренія и возгласовъ восторга разнесся по всему залу...

Въ нервномъ припадкѣ Вильгельмъ забился на скамьѣ..

Вскорѣ залъ успокоился.

Вильгельмъ пришелъ въ себя. Сидѣлъ онъ тихо, опустивши голову, не поднимая глазъ.

— Пригласите русскаго посланника,—проговорилъ утомленнымъ голосомъ судья.

Вошелъ посланникъ величественно-просто.

И, что и какъ онъ говорилъ, быстро умиротворило всѣхъ..

— Насъ вызвали на бой смертельный и мы пошли,—повѣствовалъ онъ,—всѣ пошли, какъ единый человѣкъ...за славянство, за родину, за человѣчество. Вѣдь онъ, вашъ бывшій Кайзеръ, одинъ лишь не хотѣлъ культуры, но лилъ стальныя брони и требовалъ кровопролитія. На счастьѣ мы, дипломаты, находились въ полномъ курсѣ дѣла и подготовили родныя страны къ отпору озвѣрѣвшаго безумца. Иначе было бъ худо... Теперь Богъ ему судья... Намъ жаль страну, пошедшую на зовъ безумца... Нѣмецкому народу желаемъ мы добра и счастья...и вѣримъ мы въ его могущество и славу, когда свой трудъ и сбереженный пфенигъ онъ будетъ отдавать не на парады войскъ, и не на броненосцы, а на просвѣщеніе и на культурное развитіе страны...Война—великій грѣхъ...Но черезъ жертвы лишь ведетъ путь къ счастью и благополучію. Предвидимъ мы, счастливый міръ и человѣчество спаенное свободой, равенствомъ и братствомъ.

Сказавши такъ, посланникъ удалился изъ зала. Громъ рукоплесканій нѣмецкаго народа сопровождалъ его.

Затѣмъ произносились рѣчи. Сильно и красиво лилася обвинительная рѣчь. Прокуроръ народный требовалъ для обвиняемаго смертной казни. Упавшимъ голосомъ, весь блѣдный пробормоталъ два слова Вильгельмъ. Ни одного не было нѣмца, который бы взялъ на себя его защиту.

Судъ удалился на совѣщанье и вскорѣ вынесъ оригинальный приговоръ, всѣхъ удивившій.

«Секвестровать имущество Вильгельма,—прочелъ судья,— и предоставить ему право трудомъ рабочаго простого искать себѣ и всей своей семьѣ посильный заработокъ».

Залъ сначала замеръ отъ недоумѣнія, но затѣмъ раздались дружныя рукоплесканья. Вильгельмъ стоялъ сіяющій, смущенный. Впервые его глаза зажглись одухотворенно. Любовь и мысль сверкнули въ нихъ. Отвѣсилъ судьямъ онъ низкій поклонъ и спокойной поступью изъ зала вышелъ. Въ корридорахъ Суда стояли люди, разступаясь передъ Вильгельмомъ и съ любопытствомъ взирая на него.

Около суда, на площади народъ толпился. Въ безмолвномъ порывѣ остановились всѣ, не произнося ни слова, но вперивъ взглядъ въ черты Вильгельма...А тотъ все шелъ впередъ съ твердой мыслью трудомъ и жизнью простого работника снискать себѣ прощенье и любовь, и лицо его свѣтилось чистымъ свѣтомъ.

Вдругъ среди площади, окруженной множествомъ народа подошелъ къ нему громадный рабочій, кузнецъ по профессіи, весь оборванный, со впалыми щеками, блѣдный, съ горящими отъ голода глазами. На одномъ плечѣ держалъ онъ молотъ. Вставши передъ Вильгельмомъ кузнецъ сказалъ:

— Вильгельмъ, ты обманулъ насъ.. Ты насъ призвалъ ковать броню и пушки...тысячи семействъ кормились этимъ... Теперь погибло все, и нѣтъ намъ спасенья. Изголодались мы, измучились, тщетно ища работу...и умираемъ голодной смертью... Умри жъ и ты собака...

И съ этимъ возгласомъ взмахнулъ онъ молотомъ и грузно опустилъ его на голову Вильгельма. Разбился черепъ на нѣсколько кусковъ и голова Вильгельма приплюснулась къ плечамъ. Мгновенье простояло тѣло безъ головы и рухнуло на каменныя плиты...

Кузнецъ спокойно продолжалъ свой путь...Никто не думалъ даже остановить его.

Одинъ лишь гражданинъ, нагнувшись надъ трупомъ произнесъ:

— «Избѣгъ, Вильгельмъ, суда, ты, полевого,
Но не избѣгъ народнаго суда».

Веніаминъ Строевъ.

Должна-ли литься кровь.

Съ нѣмымъ ужасомъ взираемъ мы на битву великихъ народовъ. Гибнутъ жизни, льется кровь, человѣческая кровь. Культурнѣйшія государства Европы: Франція, Англія, Германія, Австрія и Россія и просвѣщенная азіатская Японія схватились на смерть съ одною лишь цѣлью уничтожить, поглотить другъ друга. Едва не стерта была съ лица земли многострадальная наша младшая сестра, Сербія. Почти цѣликомъ сожжена и разрушена доблестная Бельгія.

Кровь льющаяся рѣкою, превратилась въ море.

Стенанія жертвъ вопіютъ къ небу.

Рыданія матерей, потерявшихъ своихъ сыновей, женъ и сиротъ наполняютъ землю. А въ самой странѣ полная остановка культурной жизни.

Люди озвѣрѣли, жаждутъ мщенія, жаждутъ крови.

Вся жизнь, всѣ желанія, всякіе помыслы лишь о войнѣ и для войны. Будто вернулись тѣ дикія времена, когда люди мечтали о скальпахъ, какъ о трофеяхъ.

Съ чувствомъ удовлетворенія и даже восхищенія одна воюющая сторона оповѣщаетъ своихъ соотечественниковъ объ уничтоженіи пятидесяти или ста тысячъ человѣческихъ жизней, и города иллюминуются, развѣшиваются флагами, а народъ ликуетъ и веселится.

До какого цинизма, до какой грубости дошло человѣчество..Разгромъ беззащитнаго города, пусканіе по міру сотенъ тысячъ семействъ является привычными эпизодами настоящей жизни. На то и война.

Но нужна ли она?

Не напрасно ли льется человѣческая кровь?

За что бьемся мы, русскіе и наши великіе союзники: французы, англичане и японцы?

Одинъ принципъ, одинъ лишь возгласъ воодушевляетъ насъ: долой бронированный кулакъ.

Вотъ драконъ о двѣнадцати главахъ. Нашъ русскій витязь взялся за мечъ, чтобы обезглавить это чудище и освободить красавицу землю отъ его владычества, полнаго тревогъ, волненій и ужасовъ.

Германія въ настоящій моментъ является яркою предста-

вительницею идеи милитаризма, олицетвореніемъ его. Германія и бронированный кулакъ—синонимы.

Всѣ плоды своей славной культуры Германія или точнѣе ея правители принесли на алтарь богу Марсу.

По несчастной случайности, чтобы уничтожить того идола, которому поклоняется германскій народъ, необходимо сломить не только правителей его, но и самую живую народную силу.

Народъ германскій въ ослѣпленіи спаялся со своимъ правителемъ и жаждетъ крови, покоренія всего міра. Властвовать на водѣ и сушѣ—вотъ конечная цѣль германской имперіи.

Не знаю, хочетъ ли того исторія и пойдетъ ли она рука объ руку съ зарвавшимся правителемъ обезумѣвшаго народа, но надо этому правителю отдать справедливость, онъ хорошо подготовилъ свой народъ къ торжеству идеи всемірнаго владычества.

Никому даже въ голову не приходило, насколько подготовлена была Германія къ войнѣ со всею Европою и даже Азіей.

И готовилась она уже давно изъ года въ годъ, изо дня на день. Своимъ военнымъ надобностямъ она приспособила даже архитектуру домовъ. Милліарды народныхъ денегъ шли на флотъ, который еще не сказалъ своего слова, на отлитіе гигантовъ пушекъ, передъ которыми не можетъ устоять ни одно сооруженіе, созданное человѣческими силами, на цеппелиновъ, разрушающихъ города. Нѣтъ возможности перечислить тѣ запасы для нуждъ войны, которые заготовили себѣ нѣмцы.

И вотъ—результаты.

Война на два фронта.

На западѣ едва не взятъ былъ Парижъ. Но вѣдь французы тоже не дѣти. Они во снѣ бредили реваншемъ за Эльзасъ и Лотарингію и уже давно считали себя подготовленными. Затѣмъ рядомъ съ ними стоятъ безстрашные англичане, своимъ флотомъ завязавшіе крылья у разъяреннаго дракона, и наконецъ доблестный бельгіецъ, презрѣвшій разореніе и смерть, и своею безумною отвагою задержавшій теченіе кипящей лавы нѣмецкихъ полчищъ..

Но прорвалась лава и едва не затопила собою всей Франціи. И только хладнокровіе и умѣніе маршала Жоффра спасли прекрасную страну отъ порабощенія.

На восточномъ фронтѣ стоимъ грудь съ грудью мы, русскіе.

Тяжелая задача выпала на нашу долю.

Своею, родною кровью мы должны залить землю Австріи

и Германіи, чтобы сломить ихъ могущество и спасти народы отъ нѣмецкаго ига.

Не мы ли спасли Сербію отъ разгрома, разгромивъ въ свою очередь австрійскія арміи; не мы ли, наконецъ, спасли Парижъ и Францію, вторгнувшись въ восточную Пруссію и сами попавши въ приготовленную намъ западню, но отвлекши тѣмъ войска германскія съ западнаго фронта.

Мы уже принесли жертву, много жертвъ и предстоитъ намъ еще большое испытаніе.

Мы не боимся австрійцевъ. Австріякъ—слабъ, но германецъ—силенъ. Его принципъ: à la guerre comme á la guerre... Только война, одна война, а цѣль ея—побѣда..Нѣтъ ни жалости, ни пощады...Нѣтъ различія между святынями, женщинами, дѣтьми...Есть врагъ и только врагъ..Средствомъ достиженія цѣли, побѣды, можетъ служить лишь уничтоженіе врага... И вотъ нѣмцы, завоевывая города и села забираютъ все, что необходимо для нуждъ ихъ воиновъ: деньги, жилища, провіантъ, мужское населеніе для черныхъ работъ, женщинъ и дѣтей, если въ нихъ встрѣчается надобность..Когда же приходится отступать, они предаютъ огню и мечу города, села и деревни, уводятъ съ собою мужчинъ, насилуютъ женщинъ, убиваютъ дѣтей, колодцы отравляютъ холерными бациллами. Не все ли равно какими способами уничтожать непріятеля?

Не французская ли женщина заражала сифилисомъ представителей арміи враждебной страны? И не назовете ли вы ее великою патріоткою?

Для спасенія своего отечества нѣмцы идутъ и готовы на все—отравить воду, воздухъ, весь міръ...Такова любовь къ родинѣ... И всѣ нѣмцы встали за свой Фатерландъ, какъ одинъ человѣкъ. Крестьянинъ и помѣщикъ, рабочій и фабрикантъ, студентъ и ученый, солдатъ и генералъ, мужчина и женщина, наконецъ дѣти—все населеніе, отъ младенца до старика возстало во имя спасенія своей любимой родины, куда они вложили столько силъ, ума и здоровья...

Вотъ чѣмъ сильна Германія, и вотъ почему такъ трудно сломить эту живую силу...

Отъ ея кованныхъ солдатъ отскакиваютъ пули, ея голіафы пушки, наносятъ смерть всему живому и разрушеніе всему мертвому.

Ея гвардія,—гвардія смерти...

Но сила эта должна быть и будетъ сломлена.

Германскій бронированный кулакъ разобьется о духъ человѣческій.

Въ человѣчествѣ имѣется что-то такое, что выше и сильнѣе хотя бы и самой ухищренной физической силы..Это-то,

что имѣетъ собственно каждый человѣкъ въ себѣ, это духъ его... И вотъ этотъ духъ особенно силенъ въ насъ, русскихъ.. Важно чтобы этотъ духъ русскій проснулся въ насъ.

Когда Вильгельмъ объявилъ Россіи войну, всѣ съ ужасомъ притаились: а что будетъ? а какъ отзовется на это русскій народъ?

И всѣ были увѣрены: революціей...Торжествовали одни только нѣмцы...Тѣмъ болѣе, что въ самомъ Петроградѣ, начиналось какое-то непонятное броженіе..

И вдругъ—неожиданность...Народъ русскій, какъ одинъ человѣкъ выпрямился во весь ростъ и нагнувшись поднялъ перчатку. Воевать, такъ воевать... и покорно пошелъ на западъ съ нѣмцами биться...Разбилъ на голову австрійцевъ, уничтожилъ легенду о непобѣдимости германскихъ войскъ, обжогся разика два-три, сталъ осторожнѣе, засучилъ рукава, сжалъ кулаки и приготовился наносить удары нѣмцамъ поихъ металлическимъ каскамъ...А на гранаты нѣмецкихъ чудищъ отшучивался: нѣмцы-де чемоданами бросаются.. Вѣдь юморъ никогда не покидалъ русскаго человѣка... Еще Суворовъ говорилъ: «отступать такъ въ присядку»...

Однако юморъ-юморомъ, кровь человѣческая льется и уже многихъ русскихъ воиновъ не досчитается матушка Русь. Но не даромъ льется кровь русская. Велико искупленіе...Если мы проливали кровь за доблестную Сербію и Черногорію, за неблагодарную Болгарію, наконецъ, даже за Австрію и Германію, то тѣмъ болѣе не страшно проливать ее за спасеніе человѣчества.

Германія, какъ олицетвореніе идей милитаризма, должна пасть, какихъ бы это ни стоило средствъ, силъ и лишеній.. Finis Germaniae, конецъ милитаризму..... И стальная мощь нѣмецкаго народа разобьется о мощный духъ русскаго мужика.

Мужикъ, какъ медвѣдь, спалъ въ своей берлогѣ...Поневолѣ проснешься, когда сосѣдъ сталъ чемоданами швыряться. И вотъ вышелъ медвѣдь, вышелъ на свѣжій воздухъ, на свободу и увидѣлъ, что вовсе не такъ скверно на свѣтѣ Божьемъ. Стало ясно ему, что жить въ берлогѣ и тѣсно и душно, что онъ всегда опасался нѣмца и находился всецѣло отъ него въ зависимости. Ни культуры, ни жизни своей, все—нѣмецкое...Проснулся медвѣдь, проснулся русскій мужикъ и потянулся во всю мощь богатырскую..

Вотъ этой силы, этого духа русскаго и не сломить нѣмцу. Нѣмецкій солдатъ убьетъ русскаго, а на его мѣсто другой встанетъ.... Нѣмецкая артиллерія наведетъ на русскую крѣпость свои смертоносныя орудія, а русскія войска присту-

помъ отберутъ эти орудія и погонятъ нѣмцевъ обратно въ свой фатерландъ...

Сильны нѣмцы, но не сломить имъ русскаго духа...

Недаромъ Бисмаркъ завѣщалъ своему народу: не трогайте только русскихъ....

Не послушались нѣмцы, и будутъ жестоко наказаны.

Жизнь не любитъ шутокъ. «Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ»...

Не думаю, чтобы прогрессъ человѣчества шелъ черезъ оружіе. Поднявши свой мечъ Вильгельмъ тѣмъ лишь сдѣлалъ вызовъ всему культурному человѣчеству, остановивъ всемірную эволюцію быть можетъ на десятки лѣтъ.

Но, виноватъ, конечно, не только одинъ Вильгельмъ, а та система, которая царитъ повсемѣстно. Пока царствуетъ система вооруженнаго мира всегда возможна катастрофа съ оружіемъ въ рукахъ. И задача современныхъ народовъ: сбросить съ себя стальныя оковы, стереть съ лица земли границы государствъ и превратиться въ одно братство, въ одно человѣчество...

Къ этому ведетъ исторія...

Въ этомъ—задача всемірной эволюціи.

Пусть русскій народъ отберетъ нѣмецкія пушки и крѣпости, и затопитъ ихъ броненосцы.

Вотъ въ чемъ оправданіе побѣдоносной русской арміи, вотъ въ чемъ ея назначеніе и конечная цѣль...

Да сбудется.

Веніаминъ Строевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
550907

97 Гун
ДЗ

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: „Книжная Экспедиція“, Москва, Глинищевскій, 6.

Типографія Акц. О-ва „Московское Издательство“, Б. Дмитровка, 26.